

Леонид Андреев . Гостинец

I

-- Так ты приходи! -- в третий раз попросил Сениста, и в третий раз Сазонка торопливо ответил:

-- Приду, приду, ты не бойся. Еще бы не прийти, конечно прийду.

И снова они замолчали. Сениста лежал на спине, до подбородка укрытый серым больничным одеялом, и упорно смотрел на Сазонку; ему хотелось чтобы Сазонка подольше не уходил из больницы и чтобы своим ответным взглядом он еще раз подтвердил обещание не оставлять его в жертву одиночеству, болезни и страху. Сазонке же хотелось уйти, но он не знал, как это сделать без обиды для мальчика, шмурыгал носом, почти сползал со стула и опять садился плотно и решительно, как будто навсегда. Он бы еще посидел, если бы было о чем говорить; но говорить было не о чем, и мысли приходили глупые, от которых становилось смешно и стыдно. Так, его все время тянуло называть Сенисту по имени и отчеству -- Семеном Ерофеевичем, что было отчаянно нелепо: Сениста был мальчишка-подмастерье, а Сазонка был солидным мастером и пьяницей и Сазонкой звался только по привычке. И еще двух недель не прошло с тех пор, как он дал Сенисте последний подзатыльник, и эт обьло очень дурно, но и об этом говорить тоже нельзя.

Сазонка решительно начал сползать со стула, но не доведя дело до половины, так же решительно всполз назад и сказал не то в виде укоризны, не то то утешения:

-- Такие вот дела. Болит, а?

Сениста утвердительно качнул головой и тихо ответил:

Ну, ступай. А то он бранить будет.

-- Это верно, -- обрадовался Сазонка предлогу. -- Он и то приказывал: ты, говорит, поскорее. Отвезешь -- и той же минутой назад. И чтобы водки ни-ни. Вот, черт!

Но вместе с сознанием, что он может теперь уйти каждую минуту, в сердце Сазонки вошла острая жалость к большеголовому Сенисте. К жалости призывала вся необычная обстановка: тесный ряд кроватей с бледными, хмурыми людьми; воздух, до последней частицы испорченный запахом лекарств и испарениями больного человеческого тела; чувство собственной силы и здоровья. И, уже не избегая просительного взгляда, Сазонка наклонился к Сенисте и твердо повторил:

-- Ты, Семен... Сеня, не бойся. Приду. Как ослобонюсь, так и к тебе. Разве мы не люди? Господи! Тоже и у нас понятие есть. Милый! Верить мне аль нет?

И с улыбкой на почерневших, запекшихся губах Сениста отвечал:

-- Верю.

-- Вот! -- торжествоал Сазонка.

Теперь ему было легко и приятно, и он мог уже поговорит о подзатыльнике, случайно данном две недели назад. И он осторожно наемкнул, касаясь пальцем Сенина плеча:

-- А ежели тебя по голове кто бил, так разве это со зла? Господи! Голова у тебя очень такая удобная: большая да стриженная.

Сениста опть улыбнулся, и Сазонка поднялся со стула. Ростом он был очень высок, волосы его, все в мелких кудряшках, расчесанные частой гребенкой, подымались пышно и веселой шапкой, и серые припухшие глаза искрились и безотчетно улыбались.

-- Ну, прощай! -- сказал он, но не тронулся с места.

Он нарочно сказал "прощай!", а не "прощай!", потому что так выходило душевнее, но теперь ему показалось этого мало. Нужно было сделать что-то еще более душевное и хорошее, такое, после которого Сенисте весело было бы лежать в больнице, а ему легко было бы уйти. И он неловко топтался на месте, смешной в своем детском смущении, когда Сениста опять вывел его из затруднения.

-- Прощай! -- сказал он своим детским тоненьким голоском, за который его дразнили "гуслиями", и совсем просто, как взрослый, высвободил руку из-под одеяла и, как равный протянул ее Сазонке.

И Сазонка, чувствуя, что это именно то, чего не хватало ему для полного спокойствия, постительно охватил тонкие пальчики своей здоровенной лапищей, подержал их и со вздохом отпустил. Было что-то печальное и загадочное в прикосновении тонких горячих пальчиков: как будто Сениста был не только равным всем людям на свете, но и выше всех и всех свободнее, и происходило это оттого, что принадлежал он теперь неведомому, но грозному и могучему хозяину. Теперь его можно было назвать Семеном Ерофеевичем.

-- Так приходи же, = в четвертый раз попросил Сениста, и эта просьба прогнала то страшное и величавое, что на миг осенило его своими бесшумными крыльями.

Он снова стал мальчиком, больным и страдающим, и снова стало жаль его -- очень жаль.

Когда Сазонка вышел из больницы, за ним долго еще гнался запах лекарств и просящий голос:

-- Приходи же!

И, разводя руками, Сазонка отвечал:

-- Милый! Да разве мы не люди?

II